

УДК 94(47).083

**МОСКОВСКАЯ «ОДИССЕЯ» СЕРБСКОГО ПОЛКОВНИКА.
РУССКО-СЕРБСКОЕ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

© 2021 Я.В. Вишняков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Статья поступила в редакцию 22.01.2021

В статье анализируется малоизученный вопрос об особенностях русско-сербских экономических связей. Показано, что русско-австрийские взаимоотношения в балканском регионе носили не только характер политического соперничества, но имели связь с общими экономическими интересами России в дунайском регионе.

Ключевые слова: Сербия, Н. Пашич, переворот 29 мая 1903 года, И. Табурно, В.Н. Штрандтман, Черноморско-дунайское пароходство.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-92-99

В самом конце 1912 года российские «спецслужбы» установили наружное наблюдение за гостиницей «Пассаж», находившейся на углу Дологоруковского переулка и Тверской улицы древней российской столицы. Причина такого интереса была проста. Здесь остановились двое сербских подданных, к тому времени уже успевших посетить Вильно и Петербург. Одному из них, подполковнику сербской армии Гойко Джуричу, филеры присвоили смешную кличку «Нос», а другому – Димитрию Джорджевичу, дали не менее смешное прозвище «Пузан». В отчетах о слежке за ними сохранился и составленный на них словесный портрет. ««Нос» – приметы: 52 лет, выше среднего ростом, телосложение по росту среднего, лицо худощавое, нос продолговатый, бороду бреет, русые усы, большие, пушистые. Одет в черное пальто с каракулевым воротником, бобровая шапка. «Пузан» – приметы: 45 лет, повыше среднего ростом, телосложения плотного, шатен с

проседью, лицо красноватое, носит бородку «буланже», средней величины усы. Одет в осеннее пальто коричневого цвета. Каракулевая шапка малоросейского фасона; сапоги с длинным голенищем».

Какова же была цель их визита, вызвавшая интерес у московской охраны? Их миссия никак не связана с выполнением некоего секретного задания. Эти два серба прибыли в Москву для закупок обмундирования и снаряжения для сербской армии и организации последующей их доставки в Одессу, а оттуда Дунайским пароходством в Сербию, о чем еще 8 ноября 1912 года российский МИД известил сербского посланника в Петербурге: «Первый департамент имеет честь уведомить Королевскую миссию, что одновременно с сим сообщается Главному управлению Генерального штаба о предположении сербского правительства командировать в Россию отставного подполковника артиллерии Гойко Джурича и портного Димитрия Джорджевича для приемки 100000 шинелей для нужд сербской армии». На первый взгляд эти сведения могут показаться малозначительными, тем более

Вишняков Ярослав Валерианович, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории. E-mail: vishnyakov@yandex.ru

что филеры российской охраны не выявили в их деятельности никакого криминала и шпионажа, а их пребывание в Москве полностью соответствовало официальной и согласованной с МИД России цели визита. Филер «из разговора с извозчиком выяснил, что он привез «Пузана» из Сыромятников, близ Курского вокзала, который вышел будто бы из военно-обмундировочной фабрики». Затем, согласно отчетам охраны, 2 марта 1913 года они находились на улице Солянка, в здании Славянского благотворительного комитета, где принимали пожертвования «вещами и деньгами», а спустя три дня, 5 марта 1913 года, выехали из Москвы. Как сообщал осведомитель, «поместились в разных вагонах. Пузан в вагоне 3-го класса за № 289, а Нос в вагоне 2-го класса за № 64. Никто их не провожал»¹. В третьем томе, вышедшем в 2012 году, фундаментального сборника документов «Москва-Сербия, Белград-Россия» имеется целый пласт документов, посвященных организации Г. Джуричем доставки в Сербию этих шинелей и палаток и его переписка по этому поводу с сербским посланником в Петербурге Дмитрием Поповичем.²

Заметим, кстати, что это было не первое посещение Джурича России, а сама его фигура отсылает нас к событиям 29 мая 1903 года, когда в результате кровавого переворота, осуществленного офицерами белградского гарнизона, были жестоко убиты король Александр Обренович и его супруга Драга Машин³. На престол взошел Петр Карагеоргиевич. Однако это событие не принесло в Сербию политического успокоения, а страну в канун Балканских войн сотрясали постоянные политические катаклизмы, сопровождавшиеся острой партийной борьбой и частыми сменами кабинета министров. С 1903 г. по 1914 г. в Сербии сменилось 18 кабинетов министров, т.е. в среднем каждый из них работал всего по 7,3 месяца. Только за первые три года после переворота 1903 года в стране сменилось шесть правительств, которые работали в среднем всего по 165 дней⁴. К тому же преторианцы ново-

го режима – непосредственные организаторы переворота стремились к укреплению позиций как при королевском дворе, так и в руководстве армией, что усилило раскол в ее рядах. Именно благодаря их интригам непосредственно после событий 29 мая значительное число офицеров было отправлено либо в отставку, либо перемещено из Белграда в провинцию на малозначительные должности, причем, по сообщению российского военного агента Н.В. Сысоева, «в числе смещенных с должности есть войсковые начальники, выказавшие нерешительность в присоединении к движению против короля, вовсе исключившиеся от участия в перевороте»⁵. И если, по сообщениям белградской прессы, в ходе переворота погибло 10 офицеров, из них 3 генерала и 2 подполковника, то за первые полтора года после свержения Обреновичей было уволено в отставку 4 генерала, 15 полковников, 8 подполковников, 5 капитанов и 20 молодых офицеров. 1 генерал, 1 полковник и 20 офицеров были зачислены в резерв. 3 подпоручика подали в отставку сами, а 2 отставлены от службы против собственного желания. Так, например, в марте 1904 года на пенсию был отправлен известный в будущем генерал, а тогда полковник Живоин Мишич. Кроме того, к суду было привлечено 260 офицеров разных чинов⁶.

Удаления офицеров – активных участников переворота от престола открыто требовали все европейские государства, а английский кабинет, немедленно после событий 29 мая 1903 года отозвавший своего посланника, поставил это главным условием восстановления дипломатических отношений с Сербией. Российское представительство в Белграде в свою очередь проявило твердость в вопросе о сопровождении в Сербию учившихся в Петербурге сыновей Петра – Александра и Георгия. Помимо королевского секретаря Ненадовича в российскую столицу должен был быть отправлен один из адъютантов короля, на чем особенно настаивала дочь черногорского короля Никола – княгиня Милица Николаевна, супруга

великого князя Петра Николаевича. Российское посольство в Белграде не выдало паспортов никому из ближайшего окружения короля. «Не могу допустить, чтобы сербское правительство на основании нашего правительственного сообщения от 5 июня не уважало взгляда моего правительства, посыл в Петербург лиц, подобных Античу и Джорджевичу»⁷, – писал В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин в рапорте от 13 июля 1903 года. Тогда король предложил кандидатуру еще одного своего адъютанта подполковника Милоша Божановича. Ответ российского временного поверенного в делах также был неудовлетворителен. «Я к великой досаде констатировал, что и этот офицер принимал деятельное участие в день переворота в Нише, пригрозив убить дивизионного генерала, если он не примирится с фактом убийства короля Александра. В награду он был произведен в подполковники и назначен королем Петром адъютантом к своей особе». В результате в Петербург отправился адъютант Гойко Джурич, причем российская дипломатическая миссия выдала ему паспорт «лишь по получении удовлетворительного ответа, констатирующего *alibi* Джурича в день белградской революции»⁸. Именно поэтому не приходится сомневаться в порядочности этого офицера, сумевшего сохранить честь мундира в сложных обстоятельствах дворцовых и политических интриг, ставших нормой государственной жизни Сербии после событий 29 мая 1903 года.

Однако вернемся собственно к его миссии начала 1913 года, важность которой, в то время пока еще всюду гремели залпы орудий Первой балканской войны, не подлежит сомнению. Между тем сухие отчеты российских полицейских агентов, официальные письма сербскому посланнику в Петербурге самого Джурича, в которых отражены на первый взгляд скучные нюансы организации доставки этого груза в Сербию, открывают нам целый пласт российско-сербских отношений начала XX века, еще требующий детального изучения. Речь идет о военно-экономических связях двух

стран, к началу XX века ставших особенно тесными, что напрямую увязано со стратегическими интересами России на Дунае.

К началу XX века этот регион стал составной частью широкого российско-австрийского соперничества за политическое влияние на Балканах и связанного с обращением серьезного внимания Российской империи к судоходству по Дунаю, что стало особенно заметно с конца XIX века, после окончания войны с Турцией 1877-1878 гг., когда Россия вернула утраченные по итогам Крымской войны порты в его устье – Рени и Измаил, что дало ей возможность конкурировать с австрийскими пароходными компаниями⁹. Кроме того, первые попытки экономического проникновения в страну связаны в том числе с задачей противодействия новому курсу сербского князя Милана (с 1882 г. – короля), связавшего после Берлинского конгресса будущее своей страны с Двуетной монархией, заключив с ней кабальный торговый договор и тайную политическую конвенцию.

В ноябре 1881 года российский предприниматель, сербофил А.Л. Мураневич, отмечая важность для России ее проникновения на сербский рынок, поскольку «пролитая ею кровь за славян Балканского полуострова была орошающей влагою не только для внутренних, но и для их внешних экономических и преимущественно торговых сношений», составил заявление в Московский биржевой комитет, в котором, пытаясь привлечь внимание российских деловых кругов к выгодам торговли с этой страной, подчеркивал в том числе и политическую важность этих экономических связей как противодействие проавстрийскому курсу Милана. Он подчеркивал, что между «сербскими распространяется все больше и больше убеждение, что лишь торговая связь с Россией спасет их страну от полного порабощения Австрии. В Сербии предполагают даже составить целое общество, члены которого намерены покупать исключительно русские произведения, как только они явятся на сербском рынке, и в последнее время собирались подписи

между влиятельными лицами сербами для этой цели. Сербы, взявшие на себя обязанность вытеснить из своего отечества всё то, что носит на себе австрийскую печать, известны у нас в России под именем русско-сербских патриотов, или «русской партии», как называют их сами сербы»¹⁰.

При этом объем как импорта, так и экспорта не мог быть значительным и составить настоящую конкуренцию с товарооборотом Сербии с Двуетидной монархией. Тот же Мураневич подчеркивал, что «главное место при ввозе в Россию займут сербские виноградные вина разных сортов, между которыми по своему качеству славятся неготинские (красные) и смедеревские (белые). Чернослив сербский тоже весьма важное место занимает в заграничной торговле Сербии. Сербский чернослив и вина приходят из-за границы в Россию под именем французских и продаются дороже, чем настоящие французские»¹¹. Любопытен также список русских товаров, которые, по мнению предпринимателя, могли бы найти в Сербии устойчивый сбыт. Приведем этот список полностью, поскольку он дает нам некоторое представление не только об уровне, вернее о фактическом отсутствии товарооборота между странами в конце XIX века, но и представление, каковы были запросы в русских товарах сербского потребительского рынка.

«1. Церковная утварь, богослужебные книги и многие другие вещи. За неимением там русской торговли, а следовательно, выгодного и удобного приобретения этих предметов, сербские и болгарские церкви по необходимости ограничиваются или изделиями домашнего производства по старинному образцу, или же поневоле выписывают их из Австрии. Следует при этом заметить, что самая форма и внешний вид церковных предметов, выписываемых из Австрии, носит римско-католический характер, что не особенно нравится народу; получаемые же в редких случаях из России церковные предметы возвышают в глазах тамошнего православного населения цену их.

2. Иконы, доставляемые из Австрии, более во вкусе католическом, чем православном. Народ, стесняясь этим, приобретает с большей охотой русские иконы, случайно туда завозимые.

3. Русские картины и рисунки, которые привозятся чрезвычайно редко промышленными мелкими торговцами из России, раскупаются очень быстро и по высоким ценам, как редкость. Картина, стоящая в России 5-10 коп., сбывается там за 80 сантимов, а то и за 1 франк, т.е. 40 коп. Так, например, в нынешнем году мелкие торговцы русскими иконами и лубочными картинами имели, по их словам, до 10000 руб. чистого дохода. Этот факт может служить лучшим доказательством на спрос и хороший сбыт русских товаров.

4. Колокола.

5. Восковые церковные свечи. Так, например, в Сербии пуд свечей белого, но не совсем чистого воска стоит более 60 руб. кредитными, тогда как у нас в Москве несравненно лучшие церковные свечи, даже и с позолоткой, продаются 26 руб. и дешевле.

6. Сальные и стеариновые свечи. Последние продаются там от 40 до 56 коп. за фунт, между тем у нас, опять скажу, более лучшего качества продаются по 27-25 коп. за фунт.

7. Чай получается преимущественно из Англии и настолько низкого качества, что употребление его, естественно, не может развиваться. Например, фунт чаю самого низшего сорта стоит в Сербии 8 франков, или около 3 руб. по курсу, фунт лучшего сорта – 15 франков, или 6 руб. На русский чай спрос постоянный, и сбыт его может быть сравнительно очень большой.

8. Самоваров в продаже там почти что нет, а если и попадаются иногда – австрийской простой работы или подделки под русское тульское производство, то маленький самовар, стоящий в России 5-6 руб., продается там по 15 руб. и дороже.

9. Разные изделия из русского серебра и мельхиора, чайная и столовая посуда, а также и деревянная.

10. Русская кожа для сапогов, упряжи и т.д. и сапоги юхтовые.

11. Разные меха.

12. Ситцы, миткалевые платки, коленкор, русский холст, рукавицы, кавказские изделия и т.д., клеенки и т.д.

13. Рыба всех сортов, сельди, икра, сыр, грибы, мыло и т.д. и т.д.

14. Русские книги, газеты и журналы»¹².

Несколько позже, в 1891 году, отношение в Московский биржевой комитет составил государственный советник князь Ю.Н. Гагарин-Стурдза (1846-1905) с предложением организации под его патронатом в Белграде выставки-ярмарки русских товаров, что, по его мнению, позволило бы «с одной стороны, русским товарам открыть новые рынки и, с другой – сербскому народу со временем освободиться от экономического ига Австро-Венгрии»¹³. Он же, заняв вскоре пост директора Общества Черноморско-дунайского пароходства, стал первопроходцем установления регулярной дунайской торговли, что также ключевым образом отразилось на характере русско-сербских связей.

В 1881 г. вступило в силу «Положение о срочном товаро-пассажирском пароходном сообщении между городами Одессой и Измаилом с заходом в Килию и Рени», а Гагарин-Стурдза принял на себя обязательство «содержания посредством принадлежащего ему парохода «Ольга» правильного товаро-пассажирского сообщения...». Так, в 1883 г. появилось первое российское пароходное общество «Князь Гагарин и Ко», осуществлявшее регулярные рейсы между крупнейшим черноморским портом России Одессой и придунайскими городами Сербии, Болгарии и Румынии. Однако для поддержания регулярных перевозок личных средств князя было недостаточно. Требовались вложения государственного капитала. В 1886 г. его компания трансформировалась в довольно успешное акционерное общество «Черноморско-дунайское пароходство», к 1902 году располагавшее 12 пароходами водоизмещением в 2087 тонн.

Следует заметить, что Австро-Венгрия, организовав пароходство на Дунае в 1830 г., в 1880-х гг. – то есть в годы появления на

Дунае первого русского парохода «Ольга», уже имела в своем распоряжении более 200 пароходов и около 1000 грузовых барж¹⁴. Российское правительство выкупило акции «Черноморско-дунайского пароходства», основав в марте 1903 года коммерческое предприятие «Российское дунайское пароходство», правление которого находилось в Санкт-Петербурге, а представительства – в крупнейших городах России и Европы – Москве, Лодзи, Марселе, Гамбурге. Компания осуществляла перевозки между Одессой, Систовом и Кладово, а также обеспечивала судоходство вплоть до Батума¹⁵.

Организация российского судоходства на Дунае способствовала появлению в Сербии русских товаров и инвестиций, а переворот 29 мая 1903 года изменил ситуацию кардинально. Русско-сербские отношения с этого времени приняли характер стратегического партнерства, а экономическое сотрудничество стало определяться прежде всего военными целями и интересами, тем более что традиционное австрийское влияние существенно снизилось в результате таможенной войны 1906-1911 годов¹⁶. В страну стал проникать крупный русский капитал, связанный с заинтересованностью Белграда в военных поставках из Российской империи. Так, например, в июле 1904 года российский император дал разрешение на отложенную, ввиду осложнения внутривосточной ситуации в мае 1903 года, поставку в Сербию 10 миллионов патронов к ружьям Бердана. Правда, сама поставка, вследствие халатности сербского военного министерства, смогла осуществиться только в апреле 1905 года, поскольку, как указывал российский военный агент Сысоев, сербское правительство в течение полутора месяцев не могло решить, кого отправить в Россию для их получения. Лишь в середине октября 1904 года в Россию был командирован поручик Иоксимович - выпускник российской артиллерийской академии, который, по словам Сысоева, «вполне соответствует данному ему поручению». Однако к тому времени навигация по Дунаю уже

была прекращена, и ему пришлось ждать в Петербурге до следующей весны¹⁷.

Кроме того, русские миноритарные акционеры появились в Сербском судоходном обществе, которое с начала XX в. стало координировать свою деятельность с Черноморско-дунайским пароходством. Новым крупным сербско-российским стратегическим проектом, вызвавшим серьезную озабоченность Австро-Венгрии, стало начало строительства в канун балканских войн железной дороги в юго-восточной Сербии, связавшей г. Ниш с дунайской пристанью Прахово¹⁸. Ее инициатором и проектировщиком стал инженер и журналист Иероним Павлович Табурно¹⁹. Причем строительство этой дороги можно рассматривать в контексте бурно обсуждавшегося с 1909 года европейского проекта строительства Дунайско-адриатической железнодорожной линии, что вызвало глубокие политические разногласия между Россией, Германией, Австро-Венгрией, Италией и Турцией с одной стороны, и Сербией и Черногорией – с другой. Дорога, вследствие глубоких разногласий, так и не была построена.

Предвидение не обмануло талантливое русского инженера. Начавшаяся вскоре Первая мировая война показала важность русского экономического присутствия в дунайском регионе и использования сербских речных портов в военных интересах России и ее союзников. В течение 1914-1915 гг. кораблями пароходства происходила переброска оружия и военных материалов в воюющую Сербию, а доставку и оплату сербских военных заказов осуществляло его представительство в Одессе.

Однако самым масштабным примером российской инвестиции в Сербии можно считать строительство делового центра «Страховое общество Россия», а его строительство состоялось во многом благодаря конкурировавшему с Австрийским пароходством бывшему директору Сербского пароходного общества Светозару Вукадиновичу²⁰. Это тогда самое помпезное и высокое здание в Белграде – нынешний отель

«Москва», который и сегодня является одной из главных достопримечательностей и самым узнаваемым зданием сербской столицы, стало строиться с использованием новейших технологий в 1906 году, а тремя годами ранее Правление страхового общества «Россия» обратилось в Министерство внутренних дел с прошением о разрешении приобрести недвижимость в сербской столице, обещая при этом сделать в бюджет страны значительные финансовые вливания: «Правление намерено открыть операции Общества в некоторых иностранных государствах, в том числе государствах Балканского полуострова. Открыв в настоящее время операции Общества в Сербии, Правление, в исполнение действующего в Сербии закона 31 марта 1892 г. о страховых обществах, обязано: 1) внести в кассу сербского Министерства государственных имуществ залог в 100000 динаров золотом или сербскими государственными бумагами; 2) иметь, кроме того, в кассе того же министерства, также золотом или сербскими государственными бумагами, залог в обеспечение текущих страхований Общества в Сербии в размере 20% собранной Обществом по таковым страхованиям премии; сумма этого залога определяется ежегодно на основании оборотов Общества за истекший год; и 3) приобрести для общества «Россия» недвижимое имущество в Белграде стоимостью не менее 200000 динаров»²¹.

В свою очередь российский МИД на основании сообщения дипломатической миссии в Сербии известил 10 ноября 1903 г. Министерство внутренних дел о том, что согласно сербскому законодательству всякое страховое общество, действующее в Сербии, должно приобрести в Белграде незаложенное недвижимое имущество стоимостью от 150000 до 200000 франков, причем если общество «Россия» приобретет имущество в 500000 франков, то условия по пунктам 1 и 2 будут выполнены. Страховое общество «Россия» в свою очередь, вместо приобретения недвижимости, решило выстроить в сербской столице здание своего

представительства²². В 1905 г. был объявлен конкурс на лучший проект, который выиграл архитектор из Земуна Йован Илкич. Затем его проект дорабатывался в Петербурге российским архитектором немецкого происхождения Павлом Бергштрессером. В 1906 г. строительство на улице Теразии началось. В январе 1908 г. величественное, семиэтажное здание было торжественно открыто. Сооружение здания обошлось в 2 млн руб.

Красноречивые воспоминания не только об урбанистическом, но и хорошо заметном с австрийского берега р. Сава, политико-символическом значении здания, демонстрации влияния Российской империи в Сербии оставил секретарь российской дипломатической миссии Василий Николаевич Штрэндтман: «На панораме Белграда, на месте впадения Савы в Дунай, выделялись колокольня Соборной церкви – символ веры, королевский дворец с тремя куполами – символ королевской власти и отель «Москва» – символ веры в Россию!»²³. А побывавший в Белграде в 1908 году русский философ А.И. Введенский, увидев только что построенный «небоскреб», воскликнул: «Тут просто какая-то символика: над Белградом господствует «Москва»!»²⁴

Таким образом, тема участия Российской империи в судоходстве на Дунае в начале XX века, связь между ее стратегическими интересами в регионе и деятельностью ее паромных компаний, общие экономические интересы России в Сербии и в других странах балканского региона могут стать предметом новых исследований как российских, так и зарубежных историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 15. Д. 306. Л. 1-7.

² Попович Димитрие (1866-1940) являлся сербским посланником в России с 1910 г. по 1913 г. см. Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878-1917.

Москва - Белград, 2012. С. 461-474.

³ См. подробнее: Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М.: МГИМО, 2016.

⁴ Стојановић Д. Србија и демократија. Београд, 2003. С. 37.

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 21.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. «Политархив». Оп. 482. Д. 2869. Л. 124. По данным российского военного агента Н.В. Сысоева, только за первых пять дней после переворота было сделано до 40 новых назначений // РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 20-21. Он подчеркивал, что непосредственно после переворота были отправлены в отставку четыре из шести начальников дивизий, почти все начальники частей войск белградского гарнизона, несколько начальников войск, расквартированных в провинции, и «все лица, занимающие наиболее влиятельные должности в центральных учреждениях военного ведомства. Меры эти распространились и на некоторых младших офицеров». // Там же. Л. 75 (об).

⁷ АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 2868. Л. 203(об).

⁸ АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 2868. Л. 203(об)-204. Даже австрийский посланник К. Думба, узнав в ноябре 1903 года о решении короля Петра позвать на обед весь дипломатический корпус, сказал, что «он отлучится немедленно по получении приглашения из дворца, дабы избежать возможности соседства за столом с убийцами короля Александра, находящимися в ближайшей свите короля». См.: АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 2869. Л. 2.

⁹ Об этом см. подробнее материалы тематического, «дунайского» номера исторического журнала «Родина» за ноябрь 2010 года.

¹⁰ Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 128-129.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² Там же. С. 130-131.

¹³ Там же. С. 133.

¹⁴ Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914-1918 гг. / Сост. А.Ю. Тимофеев, Д. Кремич. М.: Вече, 2014. С. 12.

¹⁵ Там же. С. 12-13.

¹⁶ В 1902 году истек срок межгосударственного торгового договора, заключенного в 1892 году. В 1904 году в Сербии был введен новый таможенный тариф, а в 1905 году заключен невыгодный для Австро-Венгрии торговый договор с Болгарией и Черногорией, что, в свою очередь, усиливало перспективы их политической интеграции, весьма опасной для интересов двуединой монархии. В ответ на

эти действия сербского правительства австро-венгерское правительство запретило ввоз на свою территорию продукции животноводства, составлявшей главную статью экспорта Сербии. В ответ сербское правительство запретило ввоз австрийских промышленных товаров. Таможенная, или «свиная», война продолжалась с 1906 по 1911 год и закончилась фактическим поражением Австро-Венгрии, поскольку Франция и Россия оказали экономическую поддержку сербскому правительству. С 1905 г. по 1907 г. экспорт сербских товаров в Австро-Венгрию с первоначальных 64,7 млн упал на 12 млн динар. Экономические отношения между Сербией и Австро-Венгрией были возобновлены в 1911 году подписанием нового торгового соглашения.

¹⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 312. Л. 45-46, 50-51, 52-54.

¹⁸ См. Докладная записка инженера И.П. Табурно председателю Совета министров и министру финансов о мерах для поднятия торгово-промышленных оборотов России на Балканском полуострове. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/357639>.

¹⁹ Табурно Иероним Павлович (1862-1913) – рус-

ский инженер и военный журналист. Родом из Боки Которской (Рисань). Один из проектировщиков Транссибирской железной дороги. Свои идеи по развитию Дальневосточного региона он изложил в книге «Как наилучшим образом обеспечить свободное развитие России на Дальнем Востоке и неприкосновенность ее границ». (СПб.: 1908). Как инженер внес большой вклад в развитие угольной отрасли на Донбассе. В качестве корреспондента «Нового времени» был свидетелем событий Русско-японской войны, о чем написал книгу «Правда о войне» (СПб., 1905). В 1912 г. в качестве корреспондента освещал события Первой балканской войны, о чем написал книгу «О сербских битвах. Впечатления очевидца войны сербов с турками в 1912 г.» (СПб., 1913). Был редактором газеты «Вечер».

²⁰ Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. С. 10-11.

²¹ Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 141.

²² Там же. С. 163.

²³ Шtrandтман В.Н. Балканские воспоминания. М., 2014. С. 71.

²⁴ Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 216.

MOSCOW «ODYSSEY» OF A SERBIAN COLONEL. RUSSIAN-SERBIAN MILITARY-ECONOMIC COOPERATION ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

© 2021 Ya.V. Vishnjakov

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article is devoted to the little-studied issue of the peculiarities of Russian-Serbian economic ties. The author argues that the Russian-Austrian relations in the Balkan region were not only in the nature of political rivalry, but were associated with the general economic interests of Russia in the Danube region.

Keywords: Serbia, N. Pasic, Coup on May 29, 1903, I. Taburno, V.N. Strandtman, Black Sea-Danube Shipping Company.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-92-99